

И. В. Кондаков¹ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Не подлежит никакому сомнению, что процесс глобализации в настоящее время вступил в новую фазу, принципиально отличную от сравнительно недавней, уже хорошо изученной и глубоко проанализированной с разных точек зрения. Эта новая фаза в развитии глобализационных процессов характеризуется следующими параметрами: современная глобализация представляет собой феномен *полюлярного мира*² (а не монополярного или биполярного, как это было еще совсем недавно); современный мир складывается из соревнования и борьбы региональных *глобалитетов* (глобализирующих *потенциалов* отдельных цивилизаций), что нередко принимает характер «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон)³; общей тенденцией всех современных глобализационных процессов становятся *медиа- и компьютероцентризм* всех развитых национальных культур (заменивший собой преобладавший ранее литературоцентризм) и постоянно расширяющиеся возможности *трансмедиальности* в условиях цифровой и IT-революции; общим фоном современных глобализационных процессов является виртуальная реальность⁴, объединяющая в себе компьютерные технологии, интернет-ресурсы и сетевые коммуникации и охватывающая всевозможные феномены культуры, претерпевающие в результате виртуализации глубокие качественные изменения; достигаемая таким образом *ценностно-смысловая унификация* культур носит внецивилизационный и внеэтнический характер, что объясняется становлением в целом мировой культуры *третичных моделирующих систем*, выходящих на новый уровень *культурной рефлексии* по сравнению со вторичными моделирующими системами⁵ (наукой, литературой, искусством, публицистикой, философией,

политической идеологией и т. п.); *язык новых медиа*⁶, который используется при третичном проектировании и моделировании воображаемой реальности, включает гипертексты, интертекстуальные и интермедиальные связи, интерфейсы, контент, медиаархив, репрезентации и тому подобное, фактически представляя собой *софт-культуру*⁷, не знающую традиционных этнонациональных, социальных, этических, эстетических и других различий, а потому не подлежащую ни интерпретациям и оценкам, ни качественным характеристикам.

Таким образом, современные глобализационные процессы оказываются включенными в двухслойную информационную среду: один ее уровень предполагает взаимодействие с цивилизационными процессами, заданными соревнованием и борьбой региональных глобалитетов; другой образован цифровыми технологиями и представляет собой виртуальное пространство компьютерной культуры (во многом «снятое» напряжение, вызванное межцивилизационными отношениями локальных культур)⁸. Между этими двумя слоями культурного пространства неизбежно возникают противоречия, осложняющие сознание и поведение людей, включенных в механизмы глобализации.

Представим теперь проблемы, с которыми сталкивается постсоветская Россия в контексте современной глобализации. Прежде всего приходится констатировать, что Русь, Россия и СССР буквально с самого начала своего цивилизационного, культурного и политического самосознания мыслили себя отнюдь не на периферии мирового культурно-исторического процесса, а по крайней мере причастными к всемирному целому. Во многом это вызвано пограничным положением России между Западом и Востоком, а русской и в целом российской культуры — между культурами европейского и неевропейского типа. Тем самым Россия как культурная область и цивилизация вольно или невольно претендовала на центральное, «связующее» место в мире — между контрастными мирами, на роль «цивилизационного моста» между Западом и Востоком и брала на себя функцию объединения противоречивых частей единого целого, понимаемого как мировое сообщество.

В то же время это означало, что все противоречия между Западом и Востоком, любые столкновения цивилизационных и культурных интересов западных и незападных цивилизаций так или иначе проходили через российское пространство, становившееся полем борьбы противоположных и взаимоисключающих тенденций мирового развития. Н. Бердяев связывал столкновение двух потоков мировой истории в пограничной зоне великого Востока-Запада с развитием в гра-

¹ Профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ. Автор около 800 научных публикаций, в т. ч.: «От Горького до Солженицына», «Введение в историю русской культуры», «Культура России. Краткий очерк истории и теории», «Русская литература XX в.», «Вместо Пушкина. Незавершенный проект. Этюды по русскому постмодернизму», «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры», вице-президент и председатель Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества. Председатель редколлегии серии коллективных научных трудов «Россия на перекрестке культур». Член редколлегий научных журналов «Общественные науки и современность», «Вопросы культурологии», «Интеллигенция и мир», «Личность. Культура. Общество» и др.

² См. подробнее: Многополюлярная глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

³ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

⁴ См.: Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб.: СПбГУ, 2007.

⁵ Так Ю. М. Лотман и другие представители Московско-тартуской школы семиотики называли тексты, созданные на языке, на порядок более сложном, чем тексты на естественном языке.

⁶ См.: Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

⁷ См.: Манович Л. Теория софт-культуры. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017.

⁸ См.: Маккуайр С. Геомедиа: Сетевые города и будущее общественного пространства. М.: Strelka Press, 2018.

ницах России цивилизационного катаклизма всемирно-исторической и провиденциальной значимости¹. Когда Н. Бердяев писал о *мессианизме* русских², он имел в виду прежде всего стремление русской национальной культуры оказаться в «фарватере» мирового развития и в целом центростремительную тенденцию культурно-исторического пути России. Но при этом Руси–России — в лице ее выдающихся политиков, мыслителей, деятелей культуры — хотелось непременно находиться не в арьергарде, не в «хвосте» мировой истории, а в авангарде, то есть возглавлять ведущие тенденции развития человечества, подавать ему пример, задавать тон всемирной истории. Именно в этом смысле Москва устами старца Филофея утверждалась в роли Третьего Рима; именно Русь считал Юрий Крижанич центром мирового славянства; именно Россию русские славянофилы видели во главе истинного христианства и общечеловеческой нравственности; именно в русской культуре и ее светоче — Пушкине — Достоевский усматривал феномен «всемирной отзывчивости».

Однако почти в такой же мере России с давних пор был свойствен и антиглобализм. Можно сказать, что российский антиглобализм заложен едва ли не в ментальное основание российской цивилизации, в менталитет русского народа: идея своего, особого исторического пути, отличного от европейского; социальное и культурное охранение, то есть стремление любой ценой сохранить свое национально-культурное своеобразие и многообразие, в том числе и то, которым не подобало бы хвалиться, нередко чреватое отсталостью, дикостью (крепостное право, крестьянская община, русский социализм, коллективизация, российский неустроенный быт и неразвитое коммунальное хозяйство и пр.); обоснование исключительного национально-культурного своеобразия, противостоящего европейскому рационализму и прагматизму и основанного на душевной теплоте, сердечности, отзывчивости; противопоставление русской соборности, коллективности западноевропейскому индивидуализму и эгоизму; российский бескорыстия, энтузиазма, нерасчетливости и широты — западному корыстолюбию, буржуазному частному предпринимательству, рынку, царству «чистогана», отношениям купли-продажи. Подобные примеры идейной и мировоззренческой конфронтации России «развитым» мировым державам и раньше, и сегодня видятся именно в одном контексте со всеми антиглобалистскими выступлениями в современном мире.

Наблюдения за современными социальными и культурными процессами в мире, так или иначе связанными с глобализацией и антиглобализацией, наводят на мысль, что именно в России начиная едва ли не со времен Древней Руси (вспомним двоеверие) эти процессы получили самое раннее и наиболее оформленное развитие. Конечно, прежде всего приходит на ум полемика западников и славянофилов 30–60-х годов XIX века, которые достаточно ярко и резко выражали тенденции, аналогичные современным глобализ-

му (западники) и антиглобализму (славянофилы). Если западники отстаивали приоритеты социального и культурного развития Западной Европы, полагая их всеобщими, выражающими тенденцию мирового исторического развития (что отвечает и интересам отстающей России, и другим странам и культурам, в культурном и цивилизационном отношении опаздывающим), то славянофилы, защищая интересы национально-культурной самобытности славян, в том числе русских, исходили из идеи дифференцированного развития различных культур, каждая из которых имеет по сравнению с другими свои преимущества и недостатки, несводимые к «единому знаменателю» мировой цивилизации. Poleмика западников со славянофилами — это спор просветителей с романтиками. Нигде, кроме как в России и русской культуре, такой спор не обрел ни столь колоритной остроты, ни столь жесткой непримиримости, ни столь прямого временного совпадения разных культурных парадигм. Поэтому полемика западников и славянофилов в России способствовала формированию наиболее общей, универсальной матрицы, по которой (или по аналогии с которой) в дальнейшем строилась конфронтация глобализма и антиглобализма, отстаивавших соответственно идеи культурно-цивилизационного универсализма в мировом масштабе и культурно-цивилизационной автономии и самобытности (также в мировом масштабе). В этом свете глобалистские концепции выглядят как неопросветительские, а антиглобалистские — как неоромантические, сохраняясь в этом качестве в России до сих пор.

Однако в объяснении проблематики глобализма/антиглобализма оказывается явно недостаточно выявления ее культурологических корней. Необходимо вспомнить, что полемика западников и славянофилов, а затем космополитов и почвенников в России, продолжавшаяся без малого целый век, завершилась формированием дискурса, соединившего в себе идею всемирности и национальной исключительности, общечеловеческой разумности и организованного субъективного фактора (в формах диктатуры, насилия, партийной организации, планового централизованного хозяйства, единой идеологии и т. п.).

Речь идет о дискурсе *тоталитаризма*, впервые сложившемся именно в России (в формах ленинизма и большевизма), а затем повлиявшем на все разновидности тоталитаризма практического или теоретического (итальянский фашизм, немецкий нацизм, троцкизм, сталинизм, маоизм и т. д.). Собственно тоталитаризм и был первой исторической моделью глобализма: ведь он претендовал на всемирно-исторический, общечеловеческий охват всего мира, выведение всеобщих законов человеческого общежития, обоснование универсальных путей исторического развития человечества. Другое дело, что модель, разработанная в разных вариантах теоретиками и практиками тоталитаризма, на протяжении XX века многих то увлекавшая, то отталкивавшая, в конечном счете поразила мир своей ригидностью, бесчеловечностью, жестокостью. Это был первый *вызов* глобализма человечеству.

Современный глобализм, порожденный либеральной цивилизацией, является *ответом* на вызов тоталитаризма.

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М. : Сварог и К, 1997. С. 4–5.

² См., например: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1980. С. 9.

литарного глобализма. Во многом он оппозиционен и прямо противоположен тоталитаризму. Постсоветская Россия, пройдя длительный (почти 80-летний) путь тоталитарного развития, сразу окунувшись в омут американизированного глобализма, в условиях современной конвергенции тоталитарного и либерального дискурсов переживает период глубокого и трудноразрешимого кризиса, органично вписанного в глобальный контекст. Почти неизбежно антиглобалистские тенденции в России получают почвенно-националистический и антизападный характер, более того, они поддерживаются и прототалитарными силами, во многом отражая индустриальный этап исторического развития России в XX веке. Соответственно глобалистские тенденции опираются на либерально-буржуазные и антитоталитарные течения в постсоветской России, естественно ориентирующиеся на Европу и США, формирование постиндустриального общества в России.

Однако именно в России более чем где-либо становится очевидно, что в XXI веке глобализм и антиглобализм — это лишь две разные формы глобализма, конфликт между которыми может быть разрешен лишь в рамках постмодернистской мозаичной парадигмы, постепенно складывающейся на наших глазах. Правда,

западная версия этой парадигмы, известная как мультикультурализм, сегодня в Западной Европе подвергается серьезным испытаниям в связи с потоком беженцев с Ближнего Востока, из Северной Африки и Центральной Азии. И еще большой вопрос, справится ли такая модель с поставленными перед ней практически теми же задачами. В современной России эти проблемы также возникают в связи с неуклонно растущим наплывом гастарбайтеров из Средней Азии.

В ходе своего развития культура на каждом историческом этапе несет в себе своеобразное обобщение прошлого культурно-исторического опыта. Постсоветская культура, не порывая с культурой советской, впитывала в себя достижения Серебряного века, русского зарубежья и советского андеграунда и получала не только глобальное измерение, но и статус культурной «внеаходимости» и метаисторической универсальности. К этому статусу в XXI веке добавились виртуализация и медиализация информационной среды, что в совокупности всех факторов придало российской глобализации тотальный и необратимый характер, а российскому глобалитету, переживающему сегодня очевидный кризис и спад, сообщила необходимую прочность и умеренный оптимизм.